

1001 ночь.

Рассказ об Унс-аль-Вуджуде и аль-Вард-фи-ль-Акмам

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века царь, высокий саном, обладатель величия и власти, и был у него везирь по имени Ибрахим, а у везиря была дочь редкой красоты и прелести, превосходившая всех блеском и совершенством, обладательница великого разума и блестящего образования. Она любила застольную беседу и вино и прекрасные лица и нежные стихи и редкие рассказы, и к любви звала умы нежность ее свойств, как сказал о ней кто-то из описывавших ее:

"Влюбился в нее – соблазн арабов и турок – я,

С ней споря о флексии, законах и вежестве.

И молвит она: "Предмет я действия – почему

Ты ставишь мне "и" в конце, а действующему – "а"? [390]

Я молвил: "Себя и дух мой я за тебя отдам

Ты разве не знаешь – жизнь теперь перевернута.

И если ты перемену станешь оспаривать,

То вот, посмотри, в "хвосте" "головки" [391] узлы теперь".

И было ей имя аль-Вард-фи-ль-Акмам, и причиной того, что ее так называли, была ее чрезмерная нежность и полнота ее блеска, и царь любил разделять с ней трапезу из-за ее совершенной образованности. А у царя был обычай собирать вельмож своего царства и играть в шар. И в тот день, когда собирались люди, чтобы играть в шар, дочь везиря села у окна, чтобы посмотреть. И когда люди играли, она вдруг бросила взгляд и увидела среди воинов юношу, лучше которого не было по виду и по наружности – с сияющим лицом, смеющимися устами, длинными руками и широкими плечами. И девушка несколько раз обращала на него взоры и; не могла насытиться, глядя на него, и сказала она своей няньке: "Как имя этого юноши с красивыми чертами, который среди воинов?" И нянька ответила: "О дочь моя, все они красивые, который же среди них?" – "Подожди, я укажу тебе на него", – сказала девушка, и затем она взяла яблоко и бросила им в юношу, и тот поднял глаза и увидел в окне дочь везиря, подобную луне во мраке, и не возвратился еще к нему его взгляд, как любовь к девушке охватила его разум. И он произнес слова порта:

"Стрелок в меня метнул иль твои веки

Влюбленного, что видит тебя, сразили?

И стрела с зарубкой из войска ли летит ко мне,

Или, может быть, прилетела из окошка?"

А когда кончили играть, девушка спросила няньку: "Как имя того юноши, которого я тебе показала?" И нянька ответила: "Его имя – Унс-аль-Вуджуд". И девушка покачала головой. И она легла спать в своем месте, и распалились ее мысли, и стала она испускать вздохи и произнесла такие стихи:

"Да, прав был тот, кто имя нарек тебе

Унс-аль-Вуджуд [392], о щедрый и сладостный!

О лик луны, лицом освещаешь ты

Все сущее, объемля сияньем мир.

Ты подлинно средь сущих единственный

Султан красот – тому есть свидетели,

И бровь твоя, как "нуны" очерчена,

Зрачок твой "сад" [393], написанный любящим,

А стан – как ветвь: куда ни зовешь его

На все он склонен с равною щедростью.

Всех витязей ты превзошел яростью,

И лаской, и красою, и щедростью".

А окончив свое стихотворение, она написала его на бумаге и завернула в кусок шелка, обшитый золотом, и положила под подушку. А одна из ее нянек смотрела на нее, и она подошла к девушке и стала развлекать ее разговором, пока та не заснула, а потом нянька украла бумажку из-под подушки и прочитала ее и поняла, что девушку охватила любовь к Унс-аль-Вуджуду. А прочитавши бумажку, нянька положила ее на место, и когда ее госпожа, аль-Вард-фи-ль-Акмам, пробудилась от сна, она сказала ей: "О госпожа, я тебе добрая советчица и пекусь о тебе. Знай, что любовь сильна, и сокрытие ее плавит железо и оставляет после себя болезни и недуги, и тому, кто откроет любовь, нет упрека".

И аль-Вард-фи-ль-Акмам спросила ее: "О нянюшка, а какое есть лекарство от страсти?" И нянька ответила: "Лекарство от нее – единение". "А как же найти единение?" – спросила девушка. И (нянька сказала: "Его можно найти перепиской и мягкими речами и частыми приветствиями и пожеланиями, и это соединяет влюбленных и облегчает трудные деда. И если у тебя есть дело, о госпожа, то я ближе всех к сокрытию твоей тайны и исполнению твоей нужды и доставлю твое послание".

И когда аль-Вард-фи-ль-Акмам услышала от нее эти слова, ее ум улетел от радости, но она удержала себя от речей, чтобы посмотреть, пока не увидит конец своего дела, и сказала про себя: "Об этом деле никто от меня не узнал, и я открою его этой женщине только после того, как испытаю ее". А женщина молвила: "О госпожа, я видела во сне, будто ко мне пришел человек и сказал: "Твоя госпожа я Унс-аль-Вуджуд любят друг друга возьмиись за дело, носи их послания и исполняй их нужды, скрывая их обстоятельства и тайны, – тебе достанется великое благо". Вот я рассказала тебе о том, что видела, а власть принадлежит тебе".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И аль–Вард–фи–ль–Акмам спросила свою няньку, когда та рассказала ей сон..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят вторая ночь

Когда же настала триста семьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль–Вард–фи–ль–Акмам спросила свою няньку, когда та рассказала ей сон, который видела: "Скрываешь ли ты тайны, о нянюшка?" И та отвечала: "Как мне не скрывать тайн, когда я из лучших среди свободных?" И тогда девушка вынула бумажку, на которой написала стихи, и сказала: "Ступай с этим посланием к Унс–аль–Вуджуду и принеси мне ответ от него". И нянька взяла послание и отправилась с ним к Унс–аль–Вуджуду. И, войдя к нему, она поцеловала ему руки и приветствовала его самыми ласковыми речами, а затем она отдала ему бумажку, я Унс–аль–Вуджуд прочитал письмо и понял его смысл, и потом он написал на обороте такие стихи: "Я сердце хочу развлечь в любви, и открываю я,

Но вид мой мою любовь и страсть открывает всем.

Коль слезы пролью, скажу: "То рана в глазах моих

Хулитель чтоб не видал, не повял бы, что со мной".

И был я свободен прежде, вовсе любви не знал,

Теперь же влюбился я, и сердце полно любви.

Я повесть свою довел до вас, и вам сетую

На страсть и любовь мою, чтобы сжалились надо мной.

Ее начертал слезами глаз я – ведь, может быть,

О том, что вы сделали со мной, она скажет вам.

Аллах, сохрани лицо, красою одетое.

Луна – его раб, а звезды – слуги покорные.

При всей красоте ее, подобной которой нет

И ветви все учатся у ней ее гибкости,

Прошу вас, коль не возложит то на вас трудности,

Меня посетите вы – ведь близость мне ценна так.

Я душу вам подарил – быть может, вы примете;

Сближение для меня – рай, разлука–геенна мне".

Потом он свернул письмо и поцеловал его и отдал женщине и сказал: "О няня, смягчи душу твоей госпожи". И та ответила: "Слушаю и повинуюсь".

И она взяла у него письмо и вернулась к своей госпоже и отдала ей бумажку, и аль–Вард–фи–ль–Акмам поцеловала ее и подняла над головой, а затем она развернула письмо и прочла его и поняла его смысл и написала внизу такие стихи:

"О ты, чье сердце любовью к нам охвачено,

Потерпи, быть может в любви и будешь счастлив ты.

Как узнаем мы, что искренна любовь твоя,

И в душе твоей то же самое, что у нас в душе,

Мы дадим тебе, свыше близости, близость равную,

Но препятствуют ведь сближению наши стражники.

Когда спустится над землею ночь, от большой любви

Загорится пламя огней ее в душе у нас.

И ложе наше прогонит сон, и, может быть,

Измучат муки жестокие все тело нам.

По закону страсти обязанность – таить любовь,

Опущенной завесы не вздымайте вы.

Моя внутренность уж полна, любви к газеленочку;

О, если бы не скрылся он из наших мест".

А окончив свои стихи, она свернула бумажку и отдала няньке, и та взяла ее и вышла от аль–Вард–фи–ль–Акмам, дочери везиря. И ее встретил царедворец и спросил: "Куда идешь?" И старуха ответила: "В баню". А она испугалась его, и бумажка у нее выпала, когда она выходила из дверей, и смутилась.

Вот что было с нею; что же касается бумажки, то один евнух увидел ее на дороге и поднял. А потом везирь вышел из гарема и сел на свое ложе. А евнух, который подобрал бумажку, направился к нему, и, когда везирь сидел на ложе, вдруг подошел к нему этот евнух с бумажкой в руке и сказал ему: "О господин, я нашел эту бумажку, оброненную в доме, и взял ее".

И везирь взял бумажку у него из рук (а она была свернута), и развернул ее, и увидел, что на ней написаны стихи, о которых было упомянуто

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

раньше, и стал читать и понял их смысл, а потом он посмотрел, как они написаны, и увидел, что это почерк его дочери. И тогда он вошел к ее матери, так сильно плача, что увлажнил себе бороду, и его жена спросила его: "Отчего ты плачешь, о господин мой?" И везирь ответил: "Возьми эту бумажку и посмотри, что в ней". И жена везиря взяла бумажку и прочитала ее и увидела,

что

бумажка

содержит

послание

от

ее

дочери аль–Вард–фи–ль–Акмам к Унс–альВуджуду. И тогда к ней пришел плач, но она поборола себя и удержала слезы и сказала везирю: "О господин, от плача нет пользы, и правильное решение в том, чтобы нам придумать какое–нибудь дело для защиты твоей чести и сокрытия обстоятельств твоей дочери".

И она стала утешать его и облегчать его печаль, и везирь сказал ей: "Я боюсь для моей дочери любви. Разве ты не знаешь, что султан любит Унс–аль–Вуджуда великой любовью, и моему страху в этом деле есть две причины. Первая – из–за меня самого, так как это моя дочь, а вторая из–за султана, так как Унс–аль–Вуджуд–любимец султана, и, быть может, из–за этого произойдет великое дело. Каково твое мнение об этом?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят третья ночь

Когда же настала триста семьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда везирь рассказал жене о деле своей дочери и спросил ее: "Каково твое мнение об этом?" – она сказала: "Подожди, пока я совершу молитву о совете" [394]. А потом она совершила молитву в два rakata, как установлено для молитвы о совете, и, окончив молитву, сказала своему мужу: "Посреди Моря Сокровищ есть гора, называемая "Гора лишившейся ребенка" (а причина, по которой ее так назвали, еще придет), и никто не может добраться до этой горы без труда. Устрой же там для пашей дочери жилище".

И везирь сказал своей жене, что он построит на этой горе неприступный дворец и в нем будет жить его дочь. И к ней будут доставлять припасы ежегодно, из года в год, и поместят с ней людей, которые будут ее развлекать и служить ей. И потом он собрал плотников и строителей и измерителей и послал их на ту гору, и они выстроили для девушки неприступную крепость, – подобной ей не видали видящие. А затем везирь приготовил припасы и верблюдов и вошел к своей дочери ночью и приказал ей собираться в дорогу. И сердце ее почуяло разлуку. И когда девушка вышла и увидала людей в обличье путешественников, она заплакала сильным плачем и стала писать на дверях, оповещая Унс–аль–Вуджуда, какое она испытала волнение, – от него дыбом встают волосы на коже и тают крепкие камни и текут слезы. А написала она такие стихи:

"Аллахом прошу, о дом, любимый когда пройдет,

Под утро, приветствуя словами влюбленных,

Привет передай от нас ему благовонный ты,

Теперь ведь не знаем мы, где вечером будем,

Не знаю, куда сейчас меня увезти хотят,

Со мною уехали поспешно, украдкой,

Во мраке ночном и птицы, сидя в ветвях густых,

Оплакивали меня и горько стенали.

И молвил язык судьбы за них: "О погибель нам,

Когда разлучили вдруг влюбленных и верных".

Увидев, что чаша дали снова наполнена

И чистым питье ее рок пить заставляет,

К нему подмешала я терпенье прекрасное,

Но вас мае терпение забыть не поможет",

А окончив свои стихи, она села и поехала вместе со своими людьми, пересекая степи, пустыни, равнины и кручи, пока не достигла Моря Сокровищ. И разбили палатки на берегу моря и построили для девушки большой корабль, и посадили ее туда вместе с ее женщинами. И везирь приказал, чтобы, после того как они достигнут горы и отведут девушку и ее женщин во дворец, люди возвратились бы на корабле назад, а сойдя с корабля, сломали бы его. И они уехали и сделали все, что приказал везирь, и вернулись, плача о том, что случилось.

Вот что было с ними. Что же касается Унс–аль–Вуджуда, то он поднялся после сна и совершил утреннюю молитву, а затем сел на коня и отправился служить султану. И, как всегда, он проезжал мимо ворот везиря, надеясь, что, может быть, увидит кого–нибудь из приближенных везиря, которых он обычно встречал, и посмотрел на ворота и увидел, что на них написано стихотворение, ранее упомянутое.

И когда Унс–аль–Вуджуд увидел это стихотворение, мир исчез для него, и огонь загорелся в его груди, и он возвратился к себе домой, и не стало для него покоя, и его охватило нетерпение, и он тревожился и волновался, пока не пришла ночь. И Унс–аль–Вуджуд никому ничего не сказал и, перерядившись, вышел в темноту ночи и блуждал без дороги, не зная куда идет. И он шел всю ночь и следующий день, пока не усилился жар солнца и не запылали горы, и не почувствовал он сильную жажду. И увидел он дерево, и заметил подле него ручей с текучей водой, и направился к этому дереву, и сел на берегу ручья. И он хотел напиться, но вода не имела вкуса у него во рту, и цвет его лица изменился, и оно пожелтело, и ноги его распухли от ходьбы и утомления, и он горько заплакал и пролил слезы и произнес такие стихи:

"Опьянен к любимым страстью любящий,

Чем сильнее влюблен, приятней тем ему.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И блуждает от любви и бродит он,

Не нужна ему ни пища, ни приют.

Как же будет жизнь приятна любящим,

Что покинули любимых, я дивлюсь?

Я ведь таю, когда страсть во мне горит,

И текут обильно слезы по щекам.

Их увижу ль, иль увижу в стане их

Человека, что излечит сердце мне?"

А окончив свои стихи, он так заплакал, что увлажнил землю, а затем, в тот же час и минуту, поднялся и пошел бродить. И когда он шел по степям и пустыням, вдруг вышел лев, шею которого душили волосы, и голова его была величиной с купол, и пасть шире, чем ворота, а клыки, точно бивня слона. И при виде льва Унс–альВуджуд убедился, что умрет и, обернувшись лицом к кыбле, произнес исповедание веры и приготовился к смерти. А он знал из книг, что если смириться перед львом, то и лев перед тобой смирится, так как его укрощают хорошие слова и он делается гордым от похвал. И он начал говорить льву: "О лев из чащи, о храбрец пустыни, о витязь, о отец молодцов, о султан зверей, – я тоскующий влюбленный, и погубили меня любовь и разлука, и, расставшись с любимыми, я потерял верный путь. Выслушай же мои слова и сжался над моей любовью и страстью".

И лев, услышав его слова, отошел назад и сел, опершись на хвост, и поднял к нему голову и стал играть хвостом и передними лапами. И когда Унс–аль–Вуджуд увидел эти движения, он произнес такие стихи:

"Лев пустыни, умертвишь ли ты меня,

Прежде чем я встречу тех, чьим стал рабом?

Я не дичь, о нет, и жира нет на мне

Потеряв любимых, я недужен стал.

С милыми расставшись, сердцем я устал

И подобен телу в саване теперь.

Абу–ль–Харис [395], лев в бою, не дай же ты

Радости хулителям в тоске моей.

Я влюбленный, утопившийся в слезах,

И разлукой с милыми встревожен я.

И во мраке ночи ими занят я,

И любовь из бытия взяла меня".

А когда он окончил свои стихи, лев поднялся и пошел к нему..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят четвертая ночь

Когда же настала триста семьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Унс–аль–Вуджуд окончил свои стихи, лев поднялся и пошел к с ласковым видом, и глаза его были полны слез, а подойдя к нему, он лизнул его языком и пошел впереди него, сделав ему знак: "Следуй за мной!"

И Унс–аль–Вуджуд последовал за ним, и так они шли, пока лев не поднялся с ним на гору. А потом лев спустился с этой горы, и юноша увидел следы прошедших в пустыне и понял, что это следы тех, кто шел с альВард–фи–ль–Акмам. И он пошел по следам. И когда лев увидел, что юноша пошел по следам и понял, что это след людей, прошедших с его возлюбленной, он повернул назад и ушел своей дорогой.

Что же касается Унс–аль–Вуджуда, то он шел последу в течение дней и ночей, пока не пришел к ревущему морю, где бились волны, и здесь след оборвался. И понял Унс–аль–Вуджуд, что дальше их путь пролегал по морю, и оборвались тут его надежды, и он пролил слезы и произнес такие стихи:

"Далеко стремлений цель, и стойкость мала моя,

И как я найду их в пучине морской теперь?

И как буду стоек я, погибла когда душа

От страсти к ним я со сном покончил для бдения,

С тех пор, как места родные бросив, ушли они,

И сердце огнем горит мое, да и как горит!

Сейхуа и Джейхун [396] ток слез моих, или сам Евфрат,

Превысит течение их потоп или дождь с небес,

И веки болят мои от слез, что текут из них,

А сердце спалил огонь и искры летучие,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Любви и страстей войска на сердце накнулись,

А войско терпения разбито и вспять бежит,

Я душу свою подверг опасности, их любя,

И душу считал из них легчайшей я жертвою.

Аллах, не взыщи с тех глаз, что в стаде смотреть могли

На прелесть, которая светлее луны была!

И ныне повергнут я глазами огромными,

Чьи стрелы без тетивы вонзаются в сердце мне.

Обманут я мягкостью был членов, что нежны так,

Как нежна на дереве ветвь ивы зеленая.

Желал я сближенья с ними, чтобы помочь себе

В печальных делах любви, в заботе и горести.

По стал я, как прежде был, печален и горестен,

И все, что со мной случилось, – глаз искушение".

А окончив свои стихи, он так заплакал, что упал, покрытый беспамятством, и провел в бесчувствии долгий срок, а потом очнулся и повернулся направо и налево, но никого не увидел в пустыне.

И Унс–аль–Вуджуд испугался диких зверей и поднялся на высокую гору, и когда он стоял на этой горе, он вдруг услышал голос – человека, который говорил в пещере. И Унс–аль–Вуджуд прислушался, и вдруг оказалось, что это богомолец, который оставил мир и углубился в благочестие, и юноша постучался к нему в пещеру три раза, но богомолец не ответил ему и не вышел. И тогда Унсаль–Вуджуд стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"Достигну каким путем того, что желаю я,

И брошу заботы все и горе и тягости?

Все страхи и ужасы седым меня сделали,

И сердце и голова – седые в дни юности.

Помощника не нашел себе я в любви моей

И друга, чтоб облегчить тоску и труды мои.

И сколько в любви моей боролся со страстью я,

Но, мнится, судьба моя идет на меня теперь.

О, сжальтесь над любящим, влюбленным, встревоженным,

Покинутым, что разлуки чашу до дна испил!

Огонь и в душе моей и в сердце погас уже,

И разум мой похищен разлукой и горестью.

И не было дня страшней, чем тот, когда я пришел

В жилище их и увидел надпись на их дверях.

Так плакал я, что вспоил я землю волнением,

Но тайну свою сокрыл от ближних и дальних я.

Молящийся, что в пещере скрылся, как будто бы

Вкус страсти попробовал и ею был похищен,

Коль после всего того, что ныне я испытал,

Достигну я цели, нет ни горя ни устал"

А когда он окончил свои стихи, дверь пещеры вдруг открылась, и Унс–аль–Вуджуд услышал, кто–то говорит: "О милость!" И он вошел в дверь и приветствовал богомольца, и тот ответил на его приветствие и спросил: "Как твое имя?" – "Мое имя – Унс–аль–Вуджуд", – ответил юноша. И богомолец опросил: "А почему ты пришел сюда?" И Унс–аль–Вуджуд рассказал ему свою историю с начала до конца и поведал ему обо всем, что с ним случилось, и богомолец заплакал и сказал ему: "О Унсаль–Вуджуд, я провел в этом месте двадцать лет и не видел здесь никого до вчерашнего дня, а вчера я услышал плач и шум, и, посмотрев в сторону звуков, я увидел множество людей и палатки, расставленные на берегу моря, и люди построили корабль, и на него село несколько человек, и они поплыли по морю. А потом корабль вернулся с некоторыми из тех, кто сел на него, и они сломали корабль и ушли своей дорогой. И я думаю, что люди, которые уехали морем и не вернулись, и есть те, кого ты ищешь, о Унс–аль–Вуджуд. И забота твоя тогда велика, и беспокойство тебе простительно. Но не найдется любящего, который не испытал бы печалей".

И затем богомолец произнес такие стихи:

"Ты думал, Уис–аль–Вуджуд, что духом свободен я,

А страсть и любовь меня то скрутит, то пустит вновь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Я страсть и любовь позвал давно уже, с малых лет,

Когда я ребенком был, еще молоко сосал.

Любовью я занят был срок долгий, узнал ее:

Коль спросишь ты обо мне, так знает меня любовь. И выпил я чашу страсти, горя и худобы,

И стад как бы стертым я, так мягок я телом был.

Имел прежде силу я, но стойкость ушла моя,

И войско терпения разбито мечами глаз.

Сближенья нельзя желать в любви без жестокости,

Ведь крайности сходятся, ты знаешь, с начала дней,

Свершила любовь свой суд над всеми влюбленными,

Забвенье запретно нам, как ересь мятежная",

А окончив говорить свое

стихотворение,

богомалец

подошел

к Унс–альВуджуду и обнял его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят пятая ночь

Когда же настала триста семьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что богомалец, окончив говорить свое стихотворение, подошел к Унс–аль–Вуджуду и обнял его, и они так плакали, что горы загудели от их плача. И плакали они до тех пор, пока не упали, покрытые беспамятством. А очнувшись, они дали друг другу обет быть братьями ради Аллаха великого. И затем богомалец сказал Унс–аль–Вуджуду: "Сегодня ночью я помолюсь и спрошу для тебя у Аллаха совета". И Унс–альВуджуд отвечал ему: "Внимание и повиновение!"

Вот что было с Унс–аль–Вуджудом. Что же касается аль–Вард–фи–ль–Акмам, то ее привезли к горе и привели во дворец, и, взглянув на него, она увидала, как он устроен, и заплакала и сказала: "Клянусь Аллахом, это прекрасное место, но как недостает здесь любимого!"

И она увидела на острове птиц и велела одному из своих приближенных поставить силки и изловить нескольких, и всякий раз, как поймает, сажать птиц в клетки во дворце, и слуга сделал так, как она велела.

И аль–Вард–фи–ль–Акмам села у окна и стала вспоминать, что с ней случилось, и усилились ее любовь, страсть и волнение, и она пролила слезы и сказала такое стихотворенье:

"О, кому же посетую на любовь я,

На разлуку о возлюбленным и печали

И на пламя внутри меня? Но все это

Я не выдам, – боюсь доносчиков злобных,

Зубочистке подобна я ныне стала

От разлуки и пламени и рыданий,

Где любимый, чтоб глазом мог он увидеть,

Что лишенным ума теперь я подобна?

Заточили они меня не по праву

В таком месте, что милому не добраться.

Прошу солнце я тысячу пожеланий

Передать, как взойдет оно или сядет,

Дорогому, что лик луны затмевает

Красотою, а тонкостью – ветку ивы"

Если роза напомнит мне его щеки,

"Нет, – скажу я, – коль не моя, не похожа".

Его губы слюны ручей источают,

И несет он в огне горящему влагу.

Как забуду, когда он дух мой и сердце,

Хворь, недуги несет, и врач, и любимый?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А когда спустился на землю мрак, ее страсть усилилась, и она вспомнила о том, что прошло, и произнесла такие стихи:

"Спустился на землю мрак, и боль взволновала страсть,

Тоска растревожила во мне все страдания,

Разлуки волнение в душе поселилось,

И мысли повергнули меня в небытие опять.

Любовью взволнована, тоской сожжена я вся,

И слезы открыли тайну, мною сокрытую.

И – нет положения, которое знала б я

Так кости тонки мои, больна и слаба я так.

И сердца моего ад огнями горит давно,

И зной его пламени мне печень терзает, жжет.

Проститься я не имела власти с любимыми,

Покинув их, о печаль моя и страдания!

О нет, кто им передаст о том, что со мной теперь

Готова я выдержать все то, что начертано!

Аллахом клянусь, в любви я век не забуду их,

Ведь клятва людей любви есть клятва достойная!

О ночь! – передай привет любимым ты от меня

И, зная, свидетельствуй, что я не спала совсем!"

Вот что было с аль–Вард–фи–ль–Акмам. Что же касается Унс–аль–Вуджуда, то богомолец сказал ему: "Спустись в долину и принеси мне лыка с пальм". И Унсаль–Вуджуд спустился и принес лыка. Богомолец взял лыко и свил из него сеть, как для соломы, а потом сказал: "О Унс–аль–Вуджуд, в глубине долины есть кусты, которые растут и сохнут на корнях, – спустись туда и наполни эту сеть; завяжи ее и брось в море, а сам сядь на нее и выезжай на простор моря, – быть может, ты достигнешь своей цели. Тот, кто не подвергает себя опасности, не достигнет того, к чему стремится".

И Унс–аль–Вуджуд отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А затем он простился с богомольцем и ушел от него и приступил к исполнению того, что он приказал, испросив благословение старца.

И Унс–аль–Вуджуд пошел в глубь долины и сделал так, как велел ему богомолец. А когда он доплыл на сети до середины моря, подул ветер и погнал его далеко, так что он скрылся из глаз богомольца. И он не переставая плыл по морской пучине, то поднимаемый одной волной, то опускаемый другой, и видел, какие в море диковины и ужасы, пока не выбросили его судьбы через три дня к Горе лишившейся ребенка. И он вышел на сушу, точно оглушенный цыпленок, страдая от голода и жажды, и увидел бегущие потоки, и птиц, чирикающих на ветвях, и плодоносные деревья, росшие парами и отдельно. И он поел плодов, и напился из потоков, и пошел бродить, и увидел вдали что–то белое, и пошел по направлению к нему. И, подойдя ближе, Унс–аль–Вуджуд увидел, что это дворец, неприступный и укрепленный. И он подошел к воротам и увидел, что они заперты, и просидел возле них три дня, и, когда он сидел, вдруг ворота дворца открылись и оттуда вышел евнух. И он увидел Унс–альВуджуда и спросил его: "Откуда ты и что тебя сюда привело?" И Унс–аль–Вуджуд ответил: "Я из Испахана. Я плыл по морю с товаром, и корабль, на котором я был, разбился, и волны выбросили меня на этот остров". И евнух заплакал и обнял юношу и сказал: "Да продлит Аллах твою жизнь, о лик любимых! Испахан – моя страна, и у меня там есть двоюродная сестра, которую я любил, когда был молод, и я сильно был влюблен в нее. И на нас напали люди сильнее нас и захватили меня вместе с прочей добычей (а я был маленький) и оскостили меня, а потом меня продали в евнухи, и вот я в таком положении..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят шестая ночь

Когда же настала триста семьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух,

который

вышел

из

дворца аль–Вард–фи–ль–Акмам, рассказал Унс–аль–Вуджуду обо всем, что случилось с ним, и сказал: "Люди, которые меня захватили, оскостили меня, и продали в евнухи, и вот я в таком положении".

И после того как евнух приветствовал Унс–аль–Вуджуда и пожелал ему долгой жизни, он ввел его во двор дворца. Унс–аль–Вуджуд увидел там большой пруд, окруженный деревьями и кустами, и во дворе были птицы в серебряных клетках с золотыми дверцами, и клетки эти были повешены на ветвях, и птицы в них щебетали, прославляя владыку судящего. И Унсаль–Вуджуд подошел к первой птице и вгляделся в нее, и вдруг это оказалась горлинка. И когда птица увидела юношу, она возвысила голос и сказала: "О благой!"

И Унс–аль–Вуджуда покрыло беспамятство. А очнувшись от беспамятства, он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"Горлинка, безумна ль тоже ты, как я?

Так спроси владыку и скажи: "Благой!"

Если б знать, – твой возглас от восторга ли,

Или же от страсти, что в душе живет?

Ты поешь ли с горя, потеряв друзей,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Иль забыта ими и болеешь ты?

Или потеряла милых ты, как я?

Ведь жестокость–признак, что была любовь

Тех, кто вправду любит, охрани Аллах!

Их я не забуду, хоть бы я истлел",

А окончив свои стихи, он так заплакал, что упал, покрытый беспамятством, а опомнившись, он шел, пока не дошел до второй клетки, и там он увидел вяхиря. И когда вяхирь увидел его, он проворковал: "О вечный, благодарю тебя!" И Унс–аль–Вуджуд стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

"О вяхирь, что промолвил, воркуя, мне:

"О вечный, благодарен я в горести!"

Возможно, что Аллах своей милостью

Сведет меня с любимым в пути моем.

Бывал со мной медовых властитель уст,

И страсть мою еще сильнее делал он.

И молвил я (а в сердце горел уже

Огонь любви, и душу он жег мою,

И токи слез как кровь лились из очей,

И по щекам текли они струями):

"Нет тварей здесь" не знающих горестей,

Но все терпеть в беде моей буду я,

Когда Аллах – клянусь его силою!

Сведет меня с владыками, в светлый день,

Я все отдам, чтоб угостить любящих,

Обычай их тадсов, каков обычай мой,

И выпущу из их темниц птичек я,

И горести докину для радости!",

А окончив свои стихи, он подошел к третьей клетке и нашел там соловья. И соловей защебетал при виде юноши, и тот, услышав его, произнес такие стихи:

"Мне нравится соловьиный голое, – так нежен оп,

Как голос влюбленного, от страсти погибшего.

О, сжальтесь над любящими! Сколько ночей они

От страсти волнуются и горя и напастей,

Как будто бы из любви великой сотворены,

Ни утра, ни сна им дет, от страсти и горести.

Когда потерял я ум, влюбившись, прикован был

К любимому страстью я, когда ж я прикован был,

Ток слез полился, как цепь, и молвил я: "Цепи слез

Длинней теперь сделались, и ими прикован я.

Далеко они, и грусть все больше, и нет уже

Сокровищ терпения; тоскою встревожен я.

Коль будет рок справедлив и снова сведет меня

С любимым, и вновь покров Аллаха покроет нас.

Одежду свою сниму я, милый чтоб видеть мог,

Как тело изнурено разлукой моей вдали".

А окончив свои стихи, он подошел к четвертой клетке и увидел в ней соловья другой породы, и соловей застонал и защебетал при вида Унс–аль–Вуджуда, а тот, услышав его щебетанье, пролил слезы и произнес такие стихи:

"Соловья прекрасный голос на заре

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Любящих забыть заставит прелесть струп.

На любовь Унс–аль–Вуджуд вам сетует

И на страсть, что стерла след его совсем.

Часто слышали мы песни, что могли

От восторга сталь и камень размягчить,

И под утро ветерок вам весть давал

О садах, где расцвели уже цветы.

И вдыхать и слышать рады были мы

Ветерок и птичек пенье на заре.

Но мы вспомнили покинувших друзей

И пролили слез потоки, точно дождь.

И в душе зарделись пламя и огонь,

Загорелись, как искры уголек.

Помешал Аллах влюбленным получить

От любимых или близость, или взгляд.

У влюбленных, право, оправдания есть,

Проницательный один лишь знает их".

А окончив свои стихи, он прошел немного и увидел прекрасную клетку, не было клетки лучше ее – и, приблизившись, он нашел в ней лесного голубя (а это вяхирь, известный среди птиц), и голубь щебетал от страсти, а на шее у него было ожерелье из драгоценных камней, редкостно красивое. И Унс–аль–Вуджуд всмотрелся в голубя и увидел, что он сидит в клетке, потеряв разум и ошеломленный, и, увидав его в таком состоянии, юноша пролил слезы и произнес вот эти стихи:

"О лесной мой голубь, шлю тебе привет,

Всех влюбленных Другу, от людей любви.

Сам влюблен в газель я стройную давно,

Чьи глаза острее лезвия меча,

Сожжены любовью сердце и душа,

Худоба владеет телом и болезнь, Сладость пищи уж запретна для меня,

Как запретно сна приятность мне узнать. Утешенье и терпение ушли,

А любовь, тоска и горе – те со мной. Как мне будет жизнь приятна после них,

Когда в них мое желанье, цель и дух?"

А когда Унс–аль–Вуджуд окончил свои стихи..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят седьмая ночь

Когда же настала триста семьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Унс–аль–Вуджуд окончил свои стихи, лесной голубь пробудился от оцепенения и, услышав его слова, стал кричать и стонать и умножил щебетанье и стоны, так что едва не заговорил с напеве, и язык обстоятельств сказал за него такие стихи:

"О влюбленный, ты на память мне привел

Дни, когда погибла молодость моя,

И любимого, чей облик я любил,

Кто красою превосходной всех прельщал.

Его голос, тонкий, чистый, на ветвях

Он внимание к звукам флейты отвлекал.

Растянул силки ловец, поймал его,

И сказал он: "Чтоб оставил он меня".

Я же думал, что имеет жалость он

И смягчится, увидав мою любовь,

Но, Аллахом пораженный, грубо он

Разлучил меня с любимым навсегда.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И любовь моя все больше и сильнее,

И огнями отдаленья я горю.

Сохранит же пусть всех любящих Аллах,

Знал кто страсть и испытал тоску мою.

Коль увидит любящий, что в клетке я,

Над любимым сжалившись, мне волю даст".

Потом Уис–аль–Вуджуд обратился к своему другу испаханцу и спросил его: "Что это за дворец, что в нем есть и кто его построил?" И испаханец ответил: "Построил его везирь такого–то царя для своей дочери, боясь для нее случайностей времени и ударов случая, и поселил ее вместе с ее людьми, и мы отпираем дворец только раз в год, когда к нам приходят припасы". И Унс–аль–Вуджуд сказал себе: "Досталось мне желаемое, но срок долг!"

Вот что было с Уяс–аль–Вуджудом. Что же касается аль–Вард–фи–ль–Акмам, то ей не было приятно ни пить, ни есть, ни сидеть, ни спать, и она поднялась (а ее страсть, волнение и увлечение усилились), и обошла все углы дворца, но не нашла для себя успокоения, и стала она лить слезы и произнесла такие стихи:

"Меня заперли жестоко от него

И вкусить в тюрьме мне дали страсть мою

И сожгли огнями страсти сердце мне,

Отвративши от любимых взоры глаз,

Заточили во дворце большом меня,

На горе, что родилась в пучине вод,

Коль хотели, чтоб забыла я его,

Так усилили страданье лишь в душе.

Как забуду я, раз вое, что есть во мае,

Взгляд один на дик любимый причинил?

Целый день в печали горькой я живу,

Ночь же в мыслях о любимых провожу.

В одиночестве мне дума о нем друг,

Как подумаю, что встреча с ним вдали.

Если б знать мне после этого всего,

Согласится ли судьба, на что хочу?"

А окончив стихи, она поднялась на крышу дворца и, взяв баальбекские одежды, привязала себя к ним и спускалась, пока не достигла земли, – а она была одета в самые лучшие одежды, какие имела, и на шее у нее было ожерелье из драгоценных камней. И она шла по степям и пустыням, пока не дошла до берега моря. И увидела она рыбака в лодке, который ловил рыбу, и ветер забросил его к этому острову. И рыбак обернулся и увидел на этом острове аль–Вард–фи–ль–Акмам и, увидав ее, испугался и уехал на своей лодке, убегая. И девушка стала его звать и делать ему знаки и произнесла такие стихи:

"Не бойся, о благой рыбак, дурного ты

Поистине, я женщина, как люди все.

Хочу, чтобы на зов мой ты откликнулся

И повесть мою выслушал с начала ты.

О пожалей, хранимый богом, жар любви,

Увидишь коль любимого бежавшего.

Красавца полюбила я, чей чудный лик

Луну и солнце превзошел сиянием.

Газель, когда увидит раз хоть взор его,

"Я раб твой", – скажет, снисхождения прося.

Написана красою вдоль щеки его

Строка с чудесным смыслом, но короткая:

"Кто видит свет любви, идет тот правильно,

Кто заблудился, тот преступен, нечестив".

Коль хочет он пытать меня – прекрасно как!

Когда его увижу, то награда мне,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Как ожерелье из рубинов иль других

Камней, иль свежих жемчугов, иль яхонтов.

Желанное исполнит, может быть, мой друг

Душа моя растаяла, растерзана".

И когда рыбак услышал ее слова, он стал плакать и стонать и жаловаться и вспомнил, что произошло в дни его юности, когда одолела его страсть, и сильна была его любовь, и велико было волнение и увлечение, и сожгли его огни любви. И он произнес такие стихи:

"Клянусь страстью, оправданье где ясней:

Всеми членами я болен, слезы лью.

Вот глаза, во мраке ночи что не спят,

И сердца, что как кремь сечут огонь.

Испытали мы любовь, когда росли,

Отличали тяжкое от легкого,

А потом я продал душу, быв влюблен,

За сближение с любимым, что далек,

И опасности подвергся, думая,

Что, быть может, торг мой будет выгодным.

Ведь обычно у влюбленных – кто купил

Близость с милым, тот сверхвыгодно купил".

А окончив эти стихи, рыбак подвел лодку к берегу и сказал девушке: "Сойди в лодку, я переправлюсь с тобой, в какое ты захочешь место". И аль-Вард-фи-ль-Акмам сошла в лодку, и рыбак поплыл с нею, но, когда он немного отъехал от берега, на лодку подул сзади ветер, и она пошла быстро, так что берег скрылся с их глаз, и рыбак не знал, куда едет. И ветер (продолжал усиливаться в течение трех дней, а потом он утих по изволению Аллаха великого, и лодка плыла с ними, пока не приплыла к городу на берегу моря..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят восьмая ночь

Когда же настала триста семьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда лодка с рыбаком и аль-Вард-фи-ль-Акмам приплыла к городу у моря, рыбак хотел пристать к берегу. А там был царь, отличавшийся великой яростью, звали его Дирбас. Он в это время сидел со своим сыном в царском дворце, и они смотрели в окно и обратили взоры в сторону моря и увидели эту лодку. И они вгляделись в нее и увидели там женщину, подобную луне на склоне неба, и в ушах у нее были кольца с дорогими бадахшанскими рубинами, а на шее ожерелье из драгоценных камней. И царь понял, что она из дочерей вельмож и царей, и спустился из дворца и вышел через ворота, которые вели к морю, и увидел, что лодка уже пристала к берегу и девушка спит, а рыбак укрепляет лодку у причала. И царь пробудил девушку от сна, и она проснулась плача, и царь спросил ее: "Откуда ты и чья ты дочь и почему ты прибыла сюда?" И аль-Вард-фи-ль-Акмам ответила ему: "Я дочь Ибрахима, везиря царя Шамиха, и причина моего прибытия сюда – дело великое и обстоятельство диковинное". И она рассказала ему всю свою историю с начала до конца, совершенно не боясь его, а затем испустила вздохи и произнесла такие стихи:

"Мне веки поранила слеза, необычную

Создав во мне грусть, когда лилась и текла она,

Причиной тому был друг, в душе поселившийся

Навек, но с ним близости в любви не имела я.

Прекрасны черты его, блистают, цветут они,

Арабов и турок он красою затмит своей.

И солнце и месяц сам склонились перед ним

Влюблено, и вежливость пред ликом его блюдут,

Глаза его колдовством чудесным насурмлены,

И в них ты увидишь лук, для выстрела поднятый.

О тот, кому о себе сказала я все, прося

Прощенья, будь кроток с той, кем страсть забавляется!

Любовью закинута я в вашу страну теперь,

Решимость моя слаба, от вас я жду помощи.

Всегда благородные, когда в их страну придет

Просящий о помощи, защиту в нужде дают"

Покрой же позор людей любви, о предел надежд,

И будь ты сближения влюбленных причиною!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А окончив эти стихи, она рассказала царю свою историю с начала до конца, и затем пролила слезы и сказала такие стихи:

"Мы жили и видели в любви той чудесное

Весь год, а ведь сказано: как в Реджеб [397] всегда живи,

И разве не чудо то, что в утро отъезда их

Водою слезы моей я пламя в груди зажгла,

А веко очей моих дождем серебро лило,

А поле щеки моей златые ростки дало.

И мнится, шафрана цвет, по ней разошедшийся,

С рубахи Иосифа, в крови перемазанной".

И когда царь услышал слова девушки, он убедился в ее любви и страсти, и его взяла жалость к ней, и он сказал ей: "Нет для тебя страха и испуга – ты достигла желаемого, и я обязательно приведу тебя к тому, что ты хочешь, и доставлю тебе то, что ты ищешь. Выслушай же от меня такие слова".

И он произнес:

"Дочь знатных, достигла ты пределов желания

Весть радостную узнай и тягот не бойся ты.

Сегодня я соберу богатства и их пошлю

Я к Шамиху, и пошлю коней я и витязей.

Пошлю мешки мускуса, парчу отошлю ему,

И белое серебро пошлю я, и золото.

О да, и поведает ему обо мне письмо,

Что близким его хочу я родичем сделаться,

А ныне я приложу усилия, чтоб помочь

Приблизить к тебе все то, чего ты хотела бы.

Я долго любовь вкушал, и знаю я вкус ее,

И ныне прощаю тех, кто чашу любви испил".

А окончив эти стихи, царь вышел к своим приближенным и, призвав везиря, связал тюки с несметными богатствами и велел ему отправляться к царю Шамиху и сказал: "Обязательно привези ко мне человека по имени Унсаль–Вуджуд и скажи царю: "Царь Дирбас хочет с тобой породниться, выдав свою дочь замуж за Унс–аль–Вуджуда, твоего приближенного. Его необходимо послать со мною, чтобы мы написали брачный договор царевны в царстве ее отца".

И потом царь Дирбас написал царю Шамиху письмо, где содержалось все это, и отдал его везиру и подтвердил, чтобы он привез Унс–аль–Вуджуда, и сказал: "Если ты не привезешь его ко мне, будешь отстранен от места". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И затем он отправился с подарками к царю Шамиху, а прибыв к нему, передал привет от царя Дирбаса и отдал письмо и подарки. И когда царь Шамах увидал дары и прочитал письмо и увидел имя Унс–аль–Вуджуда, он заплакал сильным плачем и сказал везиру, присланному к нему: "А где Унс–аль–Вуджуд? Он ушел, и мы не знаем о нем ничего. Найди мне его, и я дам тебе во много раз большие подарки, чем ты привез".

И потом он стал плакать, стонать и жаловаться и пролил слезы и произнес такие стихи:

"Любимого мне верните!

Не надобно мне богатства!

Подарков я не желаю

Ни жемчуга, ни рубинов.

Со мной жил полный месяц

На небе красот высоко;

Всех выше красотой и свойством,

С газелями несравнимый.

На ветку походит станом,

Плоды на которой – нега,

Но нет ведь тех свойств у ветки,

Что разум людей пленяют.

Я нянчил его ребенком

На ложе забот в неги,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Теперь же о нем горюю,

Им заняты мои мысли",

А потом он обратился к везирю, который привез дары и послание, и сказал ему: "Ступай к твоему господину и скажи ему, что прошел уже год, как Унс–аль–Вуджуда нет, и господин не знает, куда он отправился, и не имеет о нем вестей". – "О владыка, – ответил везирь, – мой господин сказал мне: "Если не приведешь его ко мне, будешь отстранен от везирства и не войдешь в мой город". Как же я вернусь без Унс–аль–Вуджуда?"

И тогда царь Шамих сказал своему везирю Ибрахиму: "Ступай с ним и с отрядом людей и разыщите Унс–аль–Вуджуда". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

А затем он собрал отряд своих приближенных и взял с собою везиря царя Дирбаса, и они отправились искать Унс–аль–Вуджуда..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста семьдесят девятая ночь

Когда же настала триста семьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим, везирь царя Шамиха, собрал отряд своих приближенных и взял с собою везиря царя Дирбаса, и они отправились искать Унс–аль–Вуджуда. И всякий раз, как они проходили мимо кочевых арабов или оседлого племени, они спрашивали: "Проходил ли здесь человек, которого зовут так–то и облик его такой–то?" Но им отвечали: "Мы такого не знаем".

И они опрашивали во всех городах и селеньях и искали на равнинах и на горах, в степях и в пустынях, пока не пришли к берегу моря. И они потребовали лодку и сели в нее и ехали, пока не достигли Горы лишившейся ребенка. И тогда везирь царя Дирбаса опросил везиря царя Шамиха: "Почему рту гору так называли?" И везирь ответил: "Потому, что здесь поселилась в древние времена джинния, и была эта джинния из джинов Китая. И она полюбила одного человека, и охватила ее к нему страсть. Но джинния боялась своих родных. И когда увеличилась ее страсть, она стала искать на земле места, где могла бы укрыть этого человека от своих близких, и нашла эту гору, пути к которой не может найти никто, ни человек, ни джинн. И она похитила своего возлюбленного и отнесла его на гору и стала улетать от своих и приходить к нему потихоньку. И так продолжалось долгое время, пока не родила она на этой горе много детей. И купцы, которые проезжали по морю мимо этой горы, слышали детский плач, похожий на плач матери, лишившейся детей (то есть потеряла их), и говорили: "Разве здесь есть лишившаяся ребенка?" И удивился везирь царя Дирбаса этим словам.

Путники шли, пока не дошли до дворца, и постучали в ворота, и ворота раскрылись, и к ним вышел евнух, и узнал Ибрахима, везиря царя Шамиха, и поцеловал ему руки, а потом везирь вошел во дворец и увидел на дворе среди евнухов одного факира. И это был Унс–аль–Вуджуд. И везирь спросил: "Откуда этот человек?" И ему оказали: "Это купец. Его имущество утонуло, но он сам спасся. Он одержимый".

И везирь оставил его и вошел во дворец, но не увидел и следа своей дочери. И тогда он начал расспрашивать невольниц, которые были там, и они сказали: "Мы не знаем, как она ушла, и она пробыла с нами короткое время".

И везирь пролил слезы и произнес такие стихи:

"Вот жилище, где певали стаи птиц,

И порог его цветами был покрыт"

Но пришел влюбленный плачущий к нему

И увидел, что открыта его дверь.

Если б знать мае, что я душу потерял

Близ жилища, чьи владельцы ушли!

Занято мыслью об исчезновении его дочери аль–Вард–филь–Акмам. И везирь царя Дирбаса пожелал отправиться в свою страну, не достигнув желаемого. И везирь Ибрахим, отец аль–Вард–фи–ль–Акмам, стал с ним прощаться, и везирь царя Дирбаса сказал ему: "Я хочу взять с собою этого факира может быть, Аллах великий смягчит ко мне сердце царя по его благословиению, ибо этот факир – восхищенный Аллахом. А потом я пошлю его в страну

Испахан, так как она близко от нашей страны". – "Делай что хочешь", сказал ему везирь Ибрахим, и каждый из них отправился своей дорогой. И везирь царя Дирбаса взял Унс–аль–Вуджуда с собой..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восьмидесятая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот восьмидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь царя Дирбаса взял с собою Унс–аль–Вуджуда, покрытого беспамятством, и ехал с ним три дня, а юноша был без чувств, – и его везли на мулах, и он не знал, везут его или нет.

А очнувшись от беспамятства, он спросил: "В какой я местности?" И ему сказали: "Ты вместе с везирем царя Дирбаса". А потом пошли к везирю и рассказали ему, что Унс–аль–Вуджуд очнулся. И везирь послал ему розовой воды и сахару, и Унс–аль–Вуджуда напоили и оживили его, и ехали до тех пор, пока не приблизились к городу царя Дирбаса. И царь послал сказать везирю: "Если Унс–альВуджуда с тобою нет, не приходи ко мне никогда!" И везирь прочитал приказ царя, и ему стало от этого тяжело.

А везирь не знал, что аль–Вард–фи–ль–Акмам находится у царя, и не знал, почему его послали за Унс–аль–Вуджудом, и не знал, почему царь Дирбас хочет породниться с царем Шамихом.

И Унс–аль–Вуджуд не знал, куда его везут, и не знал, что везирь послан его искать. А везирь не знал, что это и есть Унс–аль–Вуджуд. И когда везирь увидел, что Унс–альВуджуд очнулся, он сказал ему: "Царь послал меня по одному делу, и оно не исполнено, и, когда царь узнал о моем прибытии, он прислал мне письмо, в котором велел мне не вступать в город, если дело не исполнено".

"А в чем нужда царя?" – спросил Унс–аль–Вуджуд. И везирь рассказал ему всю историю. Тогда Унс–аль–ВудЖУД сказал ему: "Не бойся! Иди к царю и возьми меня с собою, я ручаюсь, что Унс–аль–Вуджуд придет". И везирь обрадовался и воскликнул: "Правда ли то, что

ты

говоришь?"

И Унс–аль–Вуджуд ответил: "Да!" И тогда везирь сел на коня и взял с собой Унс–аль–Вуджуда и поехал с ним к царю.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда они прибыли к царю, тот спросил везиря: "Где Унс-аль-Вуджуд?" И Унс-аль-Вуджуд сказал: "О царь, я знаю местопребывание Унс-аль-Вуджуда". И царь приблизил юношу к себе и спросил его: "А где он?" И Унс-альВуджуд отвечал "Очень близко, но скажи мне, что ты от него хочешь, и я приведу его к тебе". – "С любовью и охотой, – ответил царь, – но только это дело требует уединения". И царь велел людям уйти и, войдя с Унс-аль-Вуджудом в уединенное место, рассказал ему всю историю, с начала до конца. И тогда Унс-аль-Вуджуд сказал ему "Принеси мне роскошную одежду и надень ее на меня, и я быстро приведу к тебе Унс-аль-Вуджуда".

И царь дал ему роскошное платье, и Унс-аль-Вуджуд надел его и сказал: "Я Унс-аль-Вуджуд, горе завидующих!" А потом он метнул в сердца взорами и произнес такие стихи:

"Дружна в одиночестве со мною о милом мысль,

И гонит она тоску, хоть я в отдалении.

Глаза мои во слезах, и лишь когда лью слезу

Из глаз я, вздыхать легко мне снова становится,

Тоска моя так сильна, что равной ей не найти,

И дивны дела мои в любви и влюбленности.

И ночи я провожу без сна, не смыкая глаз,

И в страсти своей мечусь меж раем и племенем,

Терпенье прекрасное имел, но утратил я,

И только усилилась любовь и беда моя.

И телом я тонок стал от мук отдаления,

И страсть изменила облик мой и лицо мое.

И веки очей моих болят от текущих слез,

Из глаз не могу я слез струящихся удержать.

Уж нет больше хитростей, и душу утратил я,

И долго ли горести я буду испытывать?

И сердцем и головой я сед одинаково,

Тоскуя по господам, чья прелесть превыше всех.

Расстались мы, вопреки желанью и воле их,

Желают они со мной лишь встречи и близости.

О, если бы знать нам, после дали и горести

Подарит ли мне судьба с любимым сближение?

И дали свернет ли свиток, ею развернутый,

Сотрет ли все тяготы сближения радостью?

И будет ли милый мне в дому сотрапезником

И сменит ли печаль чистойшей отрадою".

А когда он окончил свои стихи, царь сказал ему: "Клянусь Аллахом, вы поистине верные влюбленные, как две звезды, сияющие в небе красоты, я дело ваше удивительно, и обстоятельства ваши диковинны!" И потом он рассказал Унс-аль-Вуджуду повесть аль-Вард-фи-ль-Акмам до конца, и юноша спросил его: "А где же она, о царь времени?" И царь ответил: "Она теперь у меня"

И царь призвал судью и свидетелей и заключил договор девушки с Унс-аль-Вуджудом и выказал ему почет и оказал ему милости, а потом царь Дирбас послал посланного к царю Шамиху и известил обо всем, что случилось у него с Унс-аль-Вуджудом и аль-Вард-фи-ль-Акмам.

И царь Шамих до крайности обрадовался этому и послал письмо, где стояло: "Раз заключение договора произошло у тебя, подобает, чтобы празднество и вход мужа к жене были у меня". И потом он снарядил верблюдов, коней и людей и послал за Унс-аль-Вуджудом и аль-Вард-фи-льАкмам. И когда посланные пришли к царю Дирбасу, царь помог юноше и девушке большими деньгами и отослал их в сопровождении многих воинов. И они ехали, пока не достигли города, и был этот день днем зрелища, великолепнее которого не видали. И царь Шамих собрал всех певиц с инструментами для пения и устроил пиры, и так провели семь дней. Каждый день царь Шамих награждал людей роскошными одеждами и оказывал им милости. А потом Унс-аль-Вуджуд вошел к аль-Вард-фи-ль-Акмам и обнял ее, и они сидели и плакали от чрезмерного счастья и радости, и аль-Вард-фи-ль-Акмам произнесла такие стихи:

"Веселье пришло, уняв заботы и горести,

И вместе сошлись мы вновь на горе завистникам.

Сближения ветерок подул благовонный к нам,

И сердце он оживил, и тело, и все внутри.

И дружбы сияние блеснуло прекрасной нам,

И бьет барабан о нас со всех четырех сторон.

Не думайте, что от горя ныне мы плачем с ним

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Напротив, от радости глаза наши слезы льют.

Ведь сколько увидели мы страхов, но все ушло,

И вытерпели мы все, что горести нам несло.

В минуту сближения забыла я навсегда

Все страхи и ужасы, седины несущие".

А когда аль–Вард–фи–ль–Акмам окончила свое стихотворение, они обнялись и оставались обнявшись, пока не упали без чувств..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят первая ночь

Когда же настала триста восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до

меня,

о

счастливый

царь,

что,

когда

Унс–аль–Вуджуд

и аль–Вард–фи–ль–Акмам встретились, они обнялись и оставались обнявшись, пока не упали без чувств от сладости встречи, а когда они очнулись от бесчувствия, Унс–аль–Вуджуд произнес такие стихи:

"О, как сладостны мне ночи дивные,

Когда милый справедливым стал ко мне!

Непрерывной стала близость наша тут,

И разлуки прекращение пришло.

И судьба к нам благосклонная идет,

Хотя раньше отклонялась от нас.

И знамена счастье ставит нам свои

В чаше пили мы без примеси его.

Мы сошлись и жаловались на тоску

И на ночи, что нам горе принесли.

Мы забыли все бывшее, господи,

Милосердый нам минувшее простил.

Как приятна и как сладостна вам жизнь!

Обладая, я сильнее лишь люблю".

А когда он окончил свое стихотворение, они обнялись и легли в уединении и проводили время за беседой, стихами и тонкими повестями и рассказами, пока не потонули в море страсти. И прошло над ними семь дней, и они не отличали ночи от дня из–за охватившего их крайнего наслаждения и радости, счастья и веселья, и были эти семь дней точно один день, за которым нет второго, и они узнали, что пришел седьмой день только по появлению певиц с инструментами [398]. И аль–Вард–фи–ль–Акмам выразила великое удивление и произнесла такие стихи:

"Завистникам всем, доносчикам всем на злобу

Достигли того, что жаждали мы с любимым,

Добились мы сближения и объятий

И шелка, и парчи блестящей, новой,

На кожаной постели, что набита

Пером и пухом птиц, престранных видом,

И от нужды в вине нас избавляет

Слюна любимого, что слаще меда"

Сближенье так приятно, что не знаем

Ни дальнего, ни близкого мы часа

Уж семь ночей над нами пролетели,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А мы не знаем, сколько их, вот диво!

Поздравьте же с неделей и скажите:

"Продли, Аллах, сближение с любимым!"

А когда она окончила стихи, Унс-аль-Вуджуд поцеловал ее больше сотни раз, а затем он произнес такие стихи:

"День радости пришел и поздравлений,

Явился милый, от разлуки спасшись

Развлек меня он радостью сближенья

И вед со мной приятную беседу.

И так меня вином поил он дружбы,

Что я исчез из мира, упоенный,

И радостно и весело легли мы,

И за вино взялись мы и за песни.

От крайнего восторга не умели

Мы отличить день первый от второго"

Во здравие любимому сближенье,

И пусть, как к нам, к нему придет веселье,

Пусть горечи не знает он разлуки,

И пусть господь его, как нас, поздравит",

А когда Унс-аль-Вуджуд окончил это стихотворение, они поднялись и вышли из своих покоев и пожаловали людям деньги и одежды и стали давать и одарять. И альВард-фи-ль-Акмам приказала очистить для себя баню и сказала Унс-аль-Вуджуду: "О прохлада моих глаз, я хочу видеть тебя в бане, мы будем там наедине, и с нами никого не будет".

И увеличилась их радость, и аль-Вард-фи-ль-Акмам произнесла такие стихи:

"О ты, кто издавна владеешь мною

(А новое от старого не помощь)"

О ты, кому замены не найду я,

Друзей иных себе не пожелаю,

Пойдем-ка в баню, свет моего глаза,

Увидим рай мы там, посреди ада [399]"

А после алоэ и недд возьмем мы,

Чтобы повеял дух его прекрасный.

И все грехи судьбы мы ей отпустим,

Благодаря владыку всеблагого,

И я окажу, тебя увидя в бане:

"Любимый, на здоровье я на пользу!"

А когда аль-Вард-фи-ль-Акмам окончила свое стихотворение, они встали и пошли в баню и насладились в ней, и вернулись к себе во дворец и прожили там в приятнейших радостях, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучитедьница собраний. Да будет же слава тому, кто не изменяется и не прекращается и к кому все дела возвращаются!